

О. В. Русаковский

ГАНС ШЛИТТЕ И НАЁМ НЕМЕЦКИХ ВОИНОВ НА РУССКУЮ СЛУЖБУ В 1547–1548 ГГ.¹

Деятельность Ганса Шлитте, выдававшего себя за дипломатического представителя московского царя Ивана IV при дворах нескольких европейских государей в середине XVI в., представляет собой одну из наиболее загадочных страниц истории связей Московской Руси с Западной Европой². Достоверных данных о его био-

---

¹ Статья представляет собой несколько сокращенный и переработанный вариант публикации *Rusakovskiy O. Das ersterussische Militärrecht für fremde Soldner? Die kriegsorganisatorische Dokumentation von Hans Schlitte aus der Überlieferung des Bayerischen Staatsarchivs // Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit. Bd. 19 (2017). S. 11–45.*

² О «деле» Шлитте см. наиболее значительные публикации *Fiedler J. von. Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im 16. Jahrhundert // Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 40. Heft 1 (1862). S. 27–123; Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien, 1906, S. 289–300; Faber K. Nachricht von der fehlgeschlagenen Unternehmung des Zars Iwan Wasilieiwitsch, sein Land durch Gelehrte, Künstler und Handwerker aus Deutschland zu verbessern // Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten aus der Kunde der Vorzeit: Dritte Sammlung, mit einem Plan / Hrsg. von K. Faber. Königsberg, 1810. S. 1–30; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 43–47; Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. Vol. 1. P., 1906. P. 324–331; Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства // Материалы по истории СССР. Т. 2. Документы по истории XV–XVII вв. / Под ред. А. Н. Пушкирева. М., 1955. С. 247–251; Forstreuter K. Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Or-*

графии немного. Известно, что Шлитте, купец из саксонского города Гослар, вел торговые дела с Москвой с начала 1540-х гг. В конце 1547 г. он появился на рейхстаге в Аугсбурге и передал императору Карлу V грамоту на немецком языке от русского царя Ивана IV, в которой тот предлагал императору свою дружбу и военный союз против турок и иных врагов христианства. Царь якобы просил Карл V о разрешении нанять в пределах его владений ремесленников и специалистов (лекарей, архитекторов, инженеров), а также 5 000 пеших ландскнехтов и 500 всадников для предстоящего в скором времени похода против Казанского ханства. Взамен Иван IV обещал прислать 30 000 русских конных воинов в Венгрию для борьбы с турками, а также в скором времени направить в Аугсбург постоянного посла в сопровождении знатных русских юношей в качестве заложников, установить постоянную дипломатическую почту между двумя государствами и воспользоваться кредитными услугами дома Фуггеров. Царь заявлял о готовности вести переговоры об унии русской православной церкви с римским престолом и сообщал об основании в Москве духовно-рыцарского ордена Небесного Креста по западным образцам. Роль посредника в переговорах между двумя государствами отводилась самому Шлитте.

Карл V, находившийся после победы над немецкими протестантами в Шмалькальденской войне на вершине своего политического могущества, благосклонно отнесся к предложению госларского купца. Шлитте, готовившийся к возвращению в Москву, получил императорскую грамоту для передачи царю и дозволение набирать в Империи солдат, ремесленников и военных специалистов для отправки на военную службу. Возможный союз с Москвой был поддержан Рейхстагом. Параллельно Шлитте через доверенных лиц вел переговоры о с папой Юлием IIIо присоединении русской церкви к унии.

---

dens bis zu Peter dem Großen, Göttingen. Berlin — Frankfurt am Main, 1955. S. 116–136; *Wijaczka J.* Stosunki dyplomatyczne Polski z Rzeszą Niemiecką w czasach panowania cesarza Karola V (1519–1556). Kielce, 1998. S. 202–212; *Diestelkamp B.* Eine versuchte Annäherung Zar Iwans IV., des Schrecklichen an den Westen? Ein Reichskammergerichtprozess, der dies nahelegt // Reich, Regionen und Europa in Mittelalter und Neuzeit. Festschrift für Peter Moraw / Hrsg. von Paul-Joachim Heinig. Berlin, 2000. S. 305–322. Наиболее актуальные сведения о состоянии источников и историографии и дальнейших перспективах исследования дает [Фречнер Р.] «Дело Шлитте» // Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. А. А. Хорошкевич. Т. 2. М., 2008. С. 132–148.

Шлитте удалось отправить некоторое число ремесленников и врачей в Московское государство сухим путем и начать вербовку запрашиваемого Иваном IV воинского контингента. В Любеке, однако, где Шлитте рассчитывал нанять корабли для перевозки воинов в Ивангород, его ждала неудача. Он был схвачен городскими властями и брошен в тюрьму по ходатайству магистра Ливонского Ордена, опасавшегося, что русский царь готовится отнюдь не к войне против турок и татар, а к агрессии против своих западных соседей. Самому Шлитте удалось освободиться из заключения, но его обширные планы были расстроены, а средства и покровители потеряны. Возобновившийся в Империи в 1552 г. вооруженный конфликт снял вопрос о союзе с Москвой с повестки дня.

После окончания войны Шлитте возобновил свои усилия. В 1555 г. он безуспешно предлагал свое посредничество в установлении контактов с русским царем королям Франции, Швеции и Дании, а также Бранденбургскому курфюрсту. В 1556 г. проект Шлитте, повторявший предложение 1547/1548 гг., оставил без внимания римский король Фердинанд I. Эти неудачи побудили Шлитте отказаться от своих планов в пользу любекского купца ВейтаЗенга и его баварского партнера Георга Либенауера. Они, пытались навязать себя в качестве возможных посредников для будущих переговоров с русским царем императору и немецким князьям. Усилия Зенга и Либенауера имели, однако, мало шансов на успех из-за начавшихся военных действий Ивана IV против Ливонского ордена а затем и Великого Княжества Литовского и усиления антимосковских настроений в Империи³.

Кем был Ганс Шлитте — авантюристом, приписывавшим себе несуществующие полномочия и действовавшим полностью на свой страх и риск в надежде добиться от своих европейских

³ О деятельности Зенга и Либенаура см. *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... С. 468–477; *Kapeller A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandsbildes. Bern, 1972. S. 42–43; *Lanzinner M.* Die Wahrnehmung „moskowitischer Handlungen“ am Münchener Hof im 16. Jahrhundert // *Bayern und Russland in vormoderner Zeit / Hrsg. von A. Schmidt.* München, 2012. S. 165–195. Здесь S. 187–192; *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 616–617. См. также публикацию отдельных документов Фейта Зенга в *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб., 1889. С. 98–116; *Полосин И. И.* Из истории блокады ...

контрагентов денежных выплат, или же действительным посланником московского государя, ведшим тонкую дипломатическую игру с ведомом русского правительства? Некоторые части проекта Шлитте, такие как, например, обещание отправить в Аугсбург заложников из числа наиболее знатных русских юношей или послать 30 000 русских конников на войну с турками в Венгрии, выглядят заведомо фантастично. Другие же, относящиеся к найму ремесленников, военно-технических специалистов и наемных войск, были, во всяком случае, отчасти, вполне реалистичны и находят параллели в аналогичных действиях русского правительства XVI в.

Научная дискуссия о сущности «дела Шлитте» весьма затруднена состоянием источниковой базы. Русские свидетельства о деятельности саксонца отсутствуют почти полностью. Документация Шлитте отложилась в списках разной степени полноты в нескольких европейских архивах, исследовательские работы в которых велись с разной степенью интенсивности. До сих пор опубликована лишь ничтожная часть дипломатической переписки и проектов Шлитте⁴.

В настоящей статье речь пойдет о некоторых текстах Шлитте, сохранившихся в фондах Баварского Государственного Архива в Мюнхене⁵. Они дошли до нас в списке, подготовленном в конце 1560-х для баварского герцога Альбрехта V по инициативе упомянутых выше Вейта Зенга и Георга Либенауера, которые искали могущественного покровителя, который мог бы ходатайствовать перед императором Максимилианом II о возобновлении переговоров с Москвой. Большую часть рукописи занимают копии дипломатических документов, созданных при участии Шлитте (а письма московского государя были вымышлены им), проекты, поданные Шлитте Карлу V зимой 1547/1548 гг.

⁴ О состоянии архивных источников по «делу Шлитте» см. [Фречнер Р.] «Дело Шлитте» ... С. 134. Прим. 540. Малая часть документации Шлитте была издана еще в XVI в. См. Hoff G. von. Erschreckliche, greuliche und unerhorte Tyranny Iwan Wasilowitz [...]. 1582; ср. Kapeller A. Iwan Groznyj... S. 109–110; [Фречнер Р.] «Дело Шлитте» ... С. 142. Прим. 568. Ср. также публикацию актов Шлитте, относящихся к его переговорам с датским королем Щербачев Ю. Н. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. Стб. 288–297.

⁵ Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Kurbayern Äußeres Archiv, 4423. Moscowitische Sachen I (далее Bay HStA KB ÄA, 4423). Об этой рукописи см. Lanzinger M. Die Wahrnehmung...

и Фердинанду I в 1556 г.⁶ Среди них существенное место занимает финансовая и военно-правовая документация, относящаяся к найму Иваном IV контингента пеших и конных воинов в границах Империи.

***

Наём немцев, прежде всего воинов, для русской службы занимал ключевое место в проекте Шлитте, будучи, с одной стороны, наиболее важным в практическом отношении элементом будуще-

---

⁶ Приведем полный список использованных в данной статье материалов Шлитте из Мюнхенской рукописи:
Bl. 29r — 31r: Des Grosfürsten in Reüssem ansinnen und begern, anweilendt Kaiser Kareln hochloblichster gedechtnus auf gehaltenem Reichstag zu Augspurg, anno 1548 beschehen;
Bl. 33r — 34r: Der Cürfürsten, Fürsten und stennde des Heiligen Romischen Reichs bedenncken und bevilligen, auf weilennndt Kaiser Carls furhalten des Grosfürstensbegern belanngenndt, auch im Augspurgischen Reichstag anno 48. beschehen;
Bl. 39r — 42v: Hochgedachts Kaiser Carels hochseligärer unnd multistergedechtnus schreiben unndnedigsexpieten an den GrosfürstenReüssen;
Bl. 45r — 53r: Instruction unnd bericht, was die jhenugen, so zu dem Grosfürsten zu die Moscaw suchen, bey seiner Großmechtigkhaitthandnlen unnd verrichten sollen;
Bl. 67r — 86v: Ain schreiben damit der Großfürst in Reüssenweilennndt Kaisers Carls hochloblichiter gedechtnuß genedigs unnd freunntlichswilfaren und expieten beantworten unnd sein Christlichs vorhaben erklärn wollen;
Bl. 108r — 113r: Der jungen Reussischen fürsten herrn und geiselunderhaltung im Reich;
Bl. 114r — 116v: Ainesoberstennsuberzehenfennndtlein Teutscherknecht in Reussland tzu fuern bestallungsbrieff;
Bl. 118r — 123r: Solchen oberstens geordnterstat unnd unnderhaltung auch des gantzten regimennts fußvolcks kosten;
Bl. 129r — 136r: Articulbrief, den die knecht dem Grosfürsten unnd iremobißen schwören sollen.
Bl. 145r — 149r: Bestallung ainerbottschaft, so der Grosfürst in Reussen an der Röm. Kay. May. hoh. zu hallten willens ist;
Bl. 155r — 171v: Des Reussischeng sanndtens, so zu weilennndt Kaiser Kareln abgevertigt worden, schriftliche relation seines ausrichtens an den Grosfürsten, zu dem er personlichnit ziehen khönnnden;
Bl. 174r — 191r: Des gemeldten Reussischen Großfürstens ambassadors statt, ambtunndaufhaltung;
Bl. 196r — 210v: Kurtze beschreibung des ritterstandes, so der Grosfürst in seinen lannden aufzurichten entschlossen.

го союза Москвы и Империи, с другой — единственной предложенной Шлитте мерой, к реализации которой были сделаны практические шаги. В своем послании Карлу V Иван IV (или же сам Шлитте от его имени) объяснял⁷: «Мы же нуждаемся не в непомерном количестве или избытке воинского люда, но не более чем в одном полке (Regiment), состоящем из десяти рот (Fähnlein) кнехтов (Knechte), и в конном отряде в пять сотен лошадей, без каковых Империя без вреда обойдется, и потому приняли на службу опытного и знающего полковника (Obrist)»⁸. Этот полковник должен был подготовить отправку в пределы русского государства своего будущего полка, а сам прибыть в Москву, сопровождая имперского посла к Ивану IV⁹. Из письма ливонского посланника в Брюсселе Карлу V от 12 октября 1549 г. известно, что такой полковник был нанят¹⁰, но отправиться к царю, по всей видимости, не успел из-за ареста Шлитте в Любеке.

Состав полка пеших воинов (ландскнехтов) и кавалерийского отряда, а также расходы, связанные с их наймом и содержанием, подробно описывались в финансовой документации, поданной Шлитте императору, и были в целом весьма типичны для наемных немецких отрядов середины XVI в. Каждая из 10 рот ландскнехтов включала в себя 200 аркебузиреров (Hakenshützer), имевших щлемы и панцири, и 300 пикинеров, вооруженных длинной пикой и коротким мечом и носящих доспехи. Из 500 всадников не менее 100 должны были иметь тяжелое вооружение¹¹, остальным полагалось иметь при себе на выбор копьё или ручную аркебузу, а также саблю или боевой молот в качестве дополнительного ору-

⁷ Здесь и далее при первом упоминании названия воинского подразделения или воинских должностей приводится соответствующий ему немецкий термин в современной или приближенной к современной орфографии. При переводе этих терминов мы стремились, насколько это возможно, использовать бытующие в современном русском языке понятия, эквивалентные данным понятиям в современном немецком. Иной подход к переводу указанных терминов, основанный на их преимущественной передаче путем транслитерации предложен в *Александров С. Е. Германское наемничество конца XV — середины XVII в. // Мир Александра Каздана. К 80-летию со дня рождения / Под ред. А. А. Чекаловой. СПб., 2003. С. 386–412.*

⁸ *Ibid.* Bl. 80r.

⁹ *Ibid.* Bl. 80r, 160v.

¹⁰ См. [*Фречнер Р.*] «Дело Шлитте» ... С. 144. Прим. 581; *Uebersberger H. Österreich und Russland...* S. 293–294.

¹¹ *Bay HStA KB AA, 4423. Bl. 50 v.*

жия¹². К шлемам и панцирям воинов предъявлялись жесткие требования: предполагалось, что немцы «должны будут внушать совершенный ужас [татарам], поскольку летучие стрелы тех не смогут ничего сделать с их доспехами»¹³.

Во главе всего контингента стоял полковник, в штаб которого входили его лейтенант (Leutnant), т. е. заместитель, полковой священник (Kaplan), профос (Profos), осуществлявший полицейские функции и руководивший наказаниями провинившихся солдат, полевой врач (Feldarzt), квартирмейстер (Quartiermeister), вахмистр (Wachtmeister), провиантмейстер (Proviantmeister), шультгейс (Schultheis), распорядившийся во время полевого суда, судебный писарь (Gerichtsschreiber), вейбели, ведавшие делами обоза и суда (Huren- und Gerichtswebel), заплочных дел мастер (Stockmeister) и палач (Scharfrichter). Помимо этого, полковник имел право на личную свиту, включавшую в себя дворецкого (Hofmeister), барабанщика (Trommler), флейтиста (Pfeiffer), духовника, повара (Koch), писаря (Schreiber), двух переводчиков (Dolmetscher), казначея (Expenditor) и десять драбантов (Trabanten)¹⁴. Каждой ротой пеших кнехтов командовал капитан (Hauptmann), при котором состояли лейтенант (заместитель), писарь, лекарь, переводчик, двое конных и двое пеших охранников, слуга (Vube) и повар.

Аналогичным образом управлялся кавалерийский отряд. Его командир имел при себе лейтенанта, священника, медика, вахмистра, заплочных дел мастера, профоса с двумя слугами, троих переводчиков, двоих фурьеров (Furiere), повара, четырех трубачей (Trompeter), шесть драбантов и двух слуг. Отряд делился на три меньших подразделения по 150 всадников. Каждое такое подразделение возглавлял ротмистр, располагавший двумя знаменосцами (Fähnriche), писарем и поваром¹⁵.

Набор и первый смотр обоих отрядов должны были проходить в границах Империи без участия русской стороны¹⁶. Оттуда им следовало, по всей видимости, переправиться в Московское государство водным путем из Любека или других ганзейских городов. Вейт Зенг в 1582 г. утверждал, что Шлитте планировал вести военный от-

¹² Ibid. Bl. 126v — 127v.

¹³ Ibid. Bl. 166r.

¹⁴ Ibid. Bl. 118r — 120 v.

¹⁵ Ibid. Bl. 126r — 127v.

¹⁶ Ibid. Bl. 138v.

ряд по суше через Пруссию и Ливонию¹⁷, но реализация этого плана была бы связана с большими логистическими и политическими трудностями. Часть ремесленников и военных специалистов Шлитте намеревался нанять непосредственно в Ливонии¹⁸. Если поступление немцев Прибалтийского региона на русскую службу вследствие попадания в плен или свободного найма неоднократно практиковалось в Московском государстве XVI в.¹⁹, то набор контингентов в самой Империи долгое время был сопряжен с практическими сложностями и стал возможен только на рубеже XVI–XVII вв.

Еще более серьезные трудности ожидали бы Шлитте при попытке реализации второй части его плана, призванной обеспечить прибытие в Венгрию 30 000 русских всадников. Во-первых, нет никаких свидетельств того, что Иван IV был готов пойти на такой шаг, кроме слов самого Шлитте: московские воины никогда в допетровское время не состояли на иностранной службе. Во-вторых, подобное предприятие было бы невозможно без согласия Великого Княжества Литовского и Польши, по территории которых должен был бы пройти русский отряд. В-третьих, говоря о размерах отряда в 30 000 всадников, Шлитте, очевидно, исходил из весьма преувеличенного представления об общей численности русских войск.

Более реалистичными выглядели планы найма в Империи военных специалистов. В своей грамоте Карлу V Иван IV просил «дозволить нанять литейщиков, изготовителей пороха, пушкарей, оружейников, кузнецов и им подобных»²⁰. Также планировалось привлечь на русскую службу военных инженеров²¹. Чтобы доказать пользу западных военных специалистов в войне с татарами, Шлитте в грамоте, составленной от имени Ивана IV в 1556 г., но датированной задним числом 1547 г., обратился к историческим примерам. Он сообщал об услугах, оказанных Василию III в 1524 г. при отражении похода крымского и казанского ханов не-

¹⁷ Полосин И. И. Из истории блокады ... С. 258.

¹⁸ [Френер Р.] «Дело Шлитте» ... С. 136. Прим. 548.

¹⁹ Скобелкин О. Н. Служилые «немцы» в русском войске второй половины XVI в. // История военного дела. Исследования и источники. Специальный выпуск I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию Ливонской войны. Ч. I. Статьи. 2012. С. 69–103.

²⁰ Bay HStA KB AA, 4423. Bl. 69r.

²¹ Ibid. Bl. 52r.

мецкими мастерами пушечных дел Николаусом из Шпайера и Гансом Иорданном из долины Инна²². Сведения о них Шлитте мог почерпнуть из книги Сигизмунда Герберштейна, первое латинское издание которой увидело свет в 1549 г.²³. Упомянул Шлитте и об обстоятельствах взятия Казани с помощью постройки вспомогательной крепости — Свяжска — как о событии, еще только планировавшемся, а не осуществленном²⁴.

Обоснованные вопросы вызывает и финансовая сторона проекта Шлитте. Попытки за счет разнообразных дополнительных условий, о которых речь пойдет ниже, сделать московскую службу возможно более привлекательной для рядовых ландскнехтов и начальных людей привели к росту расходов, которые должен был нести русский царь. Реализация планов Шлитте, включая присылку в Аугсбург русского посла, прием императорского посольства в Москве, вербовку ремесленников, лекарей и инженеров, а также основание духовно-рыцарского ордена и не считая стоимости посылки русской кавалерии в Венгрию, должна была согласно первоначальным подсчетам обойтись московской казне в 1 042 262 гульдена ежегодно. Большую часть этой колоссальной суммы — около 862 000 гульденов — стоило содержание немецких наемных отрядов²⁵; впоследствии ее удалось уменьшить до 654 000 гульденов²⁶. Для покрытия этих расходов, как уверял Шлитте, Иван IV был готов взять кредит у дома Фуггеров²⁷ — еще одна практика, совершенно невозможная для Московского государства XVI в.

***

Для оформления отношений найма между русским царем и ландскнехтами Шлитте, следуя устоявшейся в немецких землях

---

²² Ibid. Bl. 166v.

²³ Герберштейн С. Записки... Т. I. С. 417, 421. К вопросу о том, были ли Шлитте знаком с сочинением Герберштейна см. *Uebersberger H. Russland und Österreich... S. 296.*

²⁴ Bay HStA KB AA, 4423. Bl. 165v — 166r. О роли иноземных инженеров при осаде Казани см. сообщение в Казанский летописец // ПСРА. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 139–141.

²⁵ Bay HStAKB AA, 4423. Bl. 172r.

²⁶ Ibid. Bl. 195r.

²⁷ Ibid. Bl. 162v — 163v. См. также [Фречнер Р.] «Дело Шлитте» ... С. 141–142.

традиции, составил два документа²⁸. «Уставная грамота» (Bestallungsbrief) представляла собой публичное объявление государя, в данном случае русского царя, о желании нанять в свою службу на заранее оговоренных условиях воинский контингент; полномочия по набору этого контингента и последующему командованию им передавались частным лицам, как правило, уже имевшим соответствующий военный опыт. В «Статейной грамоте» (Artikelbrief) по пунктам излагались права и обязанности наемников и их командиров, касавшиеся несения службы, возможных проступков и наказаний за них, а также порядка выплаты жалования и его размеров. Грамоты в своей совокупности представляли собой, таким образом, комбинацию коллективного договора воинов с нанимателем и краткого свода военно-уголовного права; во второй половине XVI–XVII вв. последний элемент неизменно усиливался, приведя к трансформации грамот в дисциплинарные уставы регулярных армий Нового времени.

Военно-правовые документы Шлитте достаточно типичны как по своей форме, так и по содержанию для аналогичных немецких текстов своего времени. о обстоятельство, что ландскнехты нанимались на службу иноземному государю, с формальной точки зрения не препятствовало сохранению ими собственного воинского права: аналогичные уставные и статейные грамоты создавались в XVI в. и для подразделений, служивших, например, королю Испании или Швеции²⁹. Статейная грамота Шлитте включает в себя краткое вве-

²⁸ О немецком военном праве первой половины XVI в. и, в частности, о уставных и статейных грамотах см. *Александров С. Е.* Германское наемничество... с переводом Статейной Грамоты императора Максимилиана II 1570 г.; *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften vornehmlich in Deutschland. Bd. 1. Altertum, Mittelalter, XV. und XVI. Jahrhundert. Leipzig, 1889. S. 757–773; *Beck W.* Die ältesten Artikelsbriefe für das deutsche Fußvolk. Ihre Vorläufer und Quellen und die Entwicklung bis zum Jahre 1519. München, 1908; *Frauenholz E. von.* Entwicklungsgeschichte des deutschen Heerwesens. Bd. 2. Das Heerwesen in der Zeit des freien Söldnertums. Tl. 2. Das Heerwesen des Reiches in der Landsknechtzeit. München, 1937; *Moeller H. M.* Das Regiment der Landsknechte: Untersuchungen zur Verfassung, Recht und Selbstverständnis in deutschen Söldnerheeren des 16. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1976. S. 30–41; *Burschel P.* Söldner im Nordwestdeutschland des 16. und 17. Jahrhunderts. Sozialgeschichtliche Studien. Göttingen, 1994. S. 129–145.

²⁹ *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften... S. 766–767; *Frauenholz E. von.* Entwicklungsgeschichte... Bd. 3. S. 388–425; *Łopatecki K.* „Disciplinamilitaris“ w wojskach Rzeczypospolitej do połowy XVII wieku. Białystok, 2012. S. 10–11.

дение с описанием порядка присяги (ст. 1–2), сведения о выплате жалования и сроке службы (ст. 3–7 и 40), статьи, регулирующие поведение воинов по отношению к местному населению (ст. 8, 17–19, 29 и 43), определение наказаний за военные и уголовные преступления (ст. 9, 16–17, 20–25 и 39), предписания по дележу добычи и денежным выплатам за участие в битвах и штурмах (ст. 10–15), распоряжок караулов (ст. 26–28), дележа провизии (ст. 29–33), дисциплинарные статьи (ст. 34–38, 41–42, 44) и формальное заключение.

Месячное жалование рядовых кнехтов и начальных людей должно было рассчитываться на основе стандартного для всего XVI в. оклада рядового воина в четыре рейнских гульдена. Лица, занимавшие должности разного ранга, получали от нескольких до сотни таких окладов в соответствии с устоявшимися в немецкой военной среде нормами, и размер их жалования был, таким образом, вполне обычным для должностных лиц современных им полков ландскнехтов. Ряд дополнительных условий оплаты, однако, делали предложение Шлитте, с одной стороны, весьма выгодным как для рядовых воинов, так и для их начальников, с другой — существенно более дорогим для нанимателя, чем это обычно бывало при наборе аналогичного по численности воинского контингента в Центральной Европе. Во-первых, русский царь, если верить Шлитте, изъявлял готовность взять на себя оплату вооружения ландскнехтов, в то время как обычно воины обязаны были покупать оружие и доспех за свой счет³⁰. Во-вторых, до 200 из 300 кнехтов каждой роты могли быть солдатами на двойном окладе (Doppelsöldner), нося полный пехотный доспех до колен и тяжелый меч и получая двойное жалование, а некоторые из них, «благородные лица и старые, знающие и добро испытанные воины», получали от двух с половиной до пяти обычных окладов³¹. В-третьих, полковник ландскнехтов имел дополнительно к принятым в немецких армиях 400 гульденам жалования 100 гульденов ежемесячно «на его стол, с которого он должен кормить и принимать многих лиц»³². Наконец, оклад полкового лейтенанта был увеличен примерно в полтора раза по сравнению с общенемецкой нормой³³.

³⁰ Bay HStA KB ÄA, 4423. Bl. 142r — 142v.

³¹ Ibid. Bl. 121v — 122r.

³² Ibid. Bl. 119r.

³³ Ibid. Bl. 120r.

Наказания за военные и уголовные преступления были в статейной грамоте весьма умеренными; за многие проступки, каравшиеся в иных случаях смертной казнью, назначалось лишь телесное наказание. За отдельные нарушения было предусмотрено судопроизводство в кругу полка или роты, в которое ни начальные люди, ни царские воеводы не имели право вмешиваться³⁴. Пожалуй, лишь в определении сроков службы права царя были прописаны более четко, нежели его обязательства по отношению к наемникам. По всей видимости, Шлитте сознавал, что самовольный уход всего полка или части наемников, обычный в условиях задержки жалования в Европе, в Московском государстве будет невозможен из-за огромных расстояний и, следовательно, ландскнехтам будут необходимы согласие и помощь русского царя, чтобы покинуть его владения. С другой стороны, дорожные деньги, обычно вылечивавшиеся наемникам для отправления к месту службы и на обратный путь, в данном случае увеличивались соответственно пройденному расстоянию, что влекло за собой дополнительные расходы для царской казны.

***

Лишь незначительные по объему фрагменты грамот содержат указания на специфические условия их использования в России. Любопытна 44 статья Статейной грамоты. В ней Шлитте предостерегал ландскнехтов от того, чтобы объедаться медом, которым весьма обильны владения московского государя, и грозил карой тем, кто станет побуждать воинов к употреблению этого продукта. Ландскнехты были обязаны с уважением относиться не только к религии москвитов, но и к их «светскому обычаю» (ст. 43). Никаких дополнительных разъяснений относительно поведения немецких воинов в православной стране Шлитте не дал, ограничившись стандартным для подобного рода документов запретом разрушения и осквернения церквей и насилия по отношению к духовным лицам (ст. 8). Отказ от четкого регулирования религиозных отношений был, впро-

---

³⁴ О практике подобных судов см. Новоселов В. Р. Суд длинных копий (Rechtderlangen Spissen) немецких ландскнехтов XVI столетия по военному Уложению Карла V // Право в средневековом мире / Под ред. О. И. Варьяш. СПб., 2001. С. 166–172.

чем, типичен для немецкого военного права, стремившегося скорее умолчать о межконфессиональных конфликтах, нежели подчеркнуть их. Рассуждения о религиозных вопросах были для Шлитте нежелательны еще и потому, что конфессиональная ситуация в Империи была после поражения протестантов в Шмалькальденской войне весьма неопределенной, и попытки дать единообразные рекомендации относительно взаимодействия с православными могли быть негативно восприняты как католиками, так и протестантами.

Во всем корпусе документов Шлитте, относящихся к набору наемных войск, специальные требования к их составу, появление которых можно объяснить русской спецификой, чрезвычайно редки. В обоих отрядах было предусмотрено присутствие в общей сложности 17 толмачей. Их жалование составляло от 10 до 16 гульденов, примерно соответствуя окладу иных лиц, не занятых собственно военной службой, таких как полковой священник или палач. С желанием соответствовать возможным требованиям русской стороны (или представлением немцев о таких требованиях), вероятно, связано пожелание Шлитте, чтобы полковник ландскнехтов был «князем или равным князю». Высокое происхождение командиров наемников не играло роли в немецких землях³⁵, но могло, во всяком случае, если судить по более поздней практике приема иностранцев на русскую службу, документированной с рубежа XVI–XVII вв., быть важным для русского правительства. Впрочем, едва ли Шлитте действительно ожидал, что в Россию отправится кто-то из князей Империи. Имена будущих командиров наемных отрядов в его документах не названы; можно предполагать, что на эти должности могли претендовать его доверенные лица полковники Кристоф фон Вейсберг и Герберт фон Ланген, выступавшие свидетелем при подписании 1 августа 1550 г. договора между Шлитте и Иоганном Штайнбергом, получившим фиктивный пост латинского канцлера русского царя³⁶. Оба полковни-

---

³⁵ О социальном происхождении командиров ландскнехтов см. *Baumann R. Die deutschen Condottieri. Kriegsunternehmertum zwischen eigenständigem Handeln und „staatlicher“ Bindung im 16. Jahrhundert // Rückkehr der Condottieri? Krieg und Militär zwischen staatlichem Monopol und Privatisierung: Von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von Stig Förster, Christian Jansen, Günther Kronenbitter. Paderborn, 2010. S. 111–126.*

³⁶ Опубликован в *Fiedler J. von. Ein Versuch ... S. 82. См. также Uebersberger H. Österreich und Russland ... S. 296–297.*

ка происходили, по всей видимости, из рыцарских или баронских родов и не могли рассматриваться как «равные князьям».

Обращает на себя внимание подчеркнутая административная и правовая автономность немецкого отряда и отсутствие четко оговоренных механизмов взаимодействия его руководства с русскими центральными и местными властями. Даже функции контроля за набором солдат и деятельностью полковников должны были быть переданы военным комиссарам (Kriegskommissare), «урожденным в Империи Германской Нации»³⁷. Единственной должностью, которую мог занять русский, было место провиантмейстера, «которого Великому князю надлежит назначать лично и который не может быть иностранцем, поскольку он должен знать возможности русской земли и, к тому же, владеть языком. Вместе с тем ему следует, однако, иметь добрых толмачей, а также он должен в любое время посылать вокруг на несколько миль, чтобы снабжать лагерь всем необходимым»³⁸. «Великий князь, — замечал Шлитте, — по своему милостивому соизволению может назначить нескольких русских в качестве воинских советников»³⁹. Права и обязанности этих советников, впрочем, не оговорены.

***

Итак, юридическое, финансовое и административное оформление найма воинов на русскую службу полностью находилось в рамках немецкой военной традиции. Сделанные Шлитте отсылки к русской специфике были немногочисленны и содержательно незначительны. Едва ли московское правительство, даже если оно и уполномочило Шлитте вести переговоры с императором и нанимать немцев на русскую службу, могло принимать участие в разработке рассматриваемых документов. Традиция писанного военного права полностью отсутствовала в допетровской Руси. Документами на польском языке, аналогичные по форме немецким статейным грамотам, располагали польско-литовские подразделения, находившиеся на службе Лжедмитрия I и Лжедмитрия II

---

³⁷ Bay HStA KB ÄA, 4423. Bl. 51v. См. также Ibid. Bl. 138r.

³⁸ Ibid. Bl. 120 v.

³⁹ Ibid. Bl. 122 v.

во время их походов на Москву⁴⁰; некоторое текстуальное влияние немецких военно-правовых сводов можно предполагать для грамот, данных командирам иноземных полков на русской службе в преддверие Смоленской войны 1632–1634 гг.⁴¹. Всеобъемлющие описания на русском или иностранных языках, аналогичные Уставной и Статейной грамотам Шлитте или хотя бы приближающиеся к ним по полноте, неизвестны для России XVI–XVII вв.

Сама идея формализованного договора найма, в котором государь принимал бы на себя обязательства перед заведомо неравными ему по статусу иноземцами (в том числе, как это было естественно для немецких статейных грамот, перед рядовыми воинами) представляется совершенно чуждой московской правовой культуре рассматриваемого и последующего времени. Когда в 1581 г. Антонио Поссевино в ходе переговоров в Москве упомянул о планах Шлитте, не называя того по имени, по найму в Германии ремесленников (но не воинов) и отправке московской конницы в Венгрию, русские бояре, во-первых, решительно отрицали какую-либо осведомленность об этом проекте, во-вторых недоумевали “тому как можно статись, что за мастеровые люди Государю нашему столько ратных людей давати... ратных людей дают меж себя государи по договору приговоря dokonчанье”⁴². Военная часть проекта Шлитте при этом однозначно предусматривала только частную инициативу наемников и их командиров: Карл V лишь давал стандартное в таких случаях разрешение на набор войск, но не принимал на себя какие-либо обязательства перед русским царем.

Приведенные выше аргументы позволяют с высокой долей вероятности оценить анализируемые военно-правовые и военно-финансовые документы как продукт творчества Шлитте, пытавшегося навязать своей немецкой аудитории — от императора до рядовых солдат — позитивный образ русского государя как европейского монарха, с готовностью принимающего обыденные в Империи практики и словесные формулы. Вероятно, той же це-

---

⁴⁰ *Lopatecki K. Disciplinamilitaris... S. 458–460.*

⁴¹ Частично опубликованы в *Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1822. Стб. 306–330; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. 3. СПб., 1836. С. 331–334.*

⁴² *Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 10. Памятники дипломатических сношений с Папским двором и с итальянскими государствами. СПб., 1871. Стб. 343.*

ли служили и другие тексты, приписанные Ивану IV и заслуживающие специального исследования: прежде всего устав Ордена Небесного Креста и значительные части посланий. Подобный вывод, как представляется, может служить существенным аргументом в пользу оценки всего «дела Шлитте» как его личной аферы, о которой не подозревали в Москве, или, по крайней мере, его независимой политической игры, вышедшей далеко за рамки гипотетических полномочий, которые он мог получить от русского царя.

Приложение

В приложении к настоящей статье публикуются тексты Уставной и Статейной грамот Шлитте по Мюнхенской рукописи⁴³. Принципы перевода отдельных терминов, относящихся к реалиям сообщества ландскнехтов XVI в., изложены в примечании 7 к основному тексту статьи.

Уставная грамота полковнику над десятью ротами немецких кнехтов, дабы он вел их в Россию

Мы, Иоанн, Божьей милостью император и государь всех русских объявляем, что мы, решив принять в нашу службу и на наше жалование некоторое число немецких пеших воинов для совершения оставшихся наших воинских дел, повелели затем N из N принять, устроить и привести к нам на нашу службу и жалование десять рот добрых отборных ландскнехтов, так чтобы их число равнялось 5 000 человек, не считая капитанов, знаменосцев, лейтенантов и всех начальников. Также мы произвели, поставили и утвердили [его] нашим полковником над выше названными десятью ротами кнехтов на все время, пока мы содержим наших немецких воинов, и даем этому [повелению] силу с условием содержать сказанного N из N в качестве нашего полковника над названными десятью ротами кнехтов вместе с подчиненны-

⁴³ Bay HStAKB AA, 4423. Bl. 114r — 116v, 129r — 136r. Перевод выполнен по изданию *Rusakovskiy O. Das erste russische Militärrecht... S. 35–45.*

ми ему капитанами и воинами в нашей службе и жаловании. И этот N из N, наш полковник, а равно и иные наши капитаны, знаменосцы, начальники и рядовые кнехты, которые будут под нашим началом, обязуются служить нам по этому и последующим установлениям столь долго, сколь это необходимо. А жалование каждому из них следует со дня первого смотра, то есть с N дня месяца Nv ближайшее к N время, и с того часа, когда полк устроен и кнехты приведены к присяге. И жалование должно быть установлено и выплачено в соответствии с содержанием росписи и статейной грамоты, которые им от нашего имени представят наши воинские комиссары и распорядители смотра. Каждый месяц считается за 30 дней, а один оклад за 4 гульдена по 60 крейцеров каждый, или в том же размере в любой золотой или серебряной монете, имеющей хождение и употребление в том месте, где происходит выплата. А сказанный полковник и названные капитаны, знаменосцы, начальники и иные воины, которые будут под его властью, обязуются иметь добрую выправку, быть верными и послушными нам или тому, кого мы своим указом поставим на наше место, честно и усердно исполнять службу по нашему усмотрению и нужде во всех наших воинских и иных предприятиях и делах на воде и на земле против всех неверных народов без исключения и изъятия и добровольно отдавать себя в наше распоряжение. Они, однако, не могут быть принуждены выступать в поход против Священной Римской Империи или отдельных чинов германской нации, а также какого-либо христианского владетеля или князя, от чего мы освобождаем их полностью осознанно настоящей грамотой, не желая использовать их совокупно или по отдельности против христиан. Когда же мы перестанем нуждаться в них и дадим им отпуск, мы обязуемся и желаем предоставить, выплатить и дать им для их отъезда жалование за целый месяц. И мы просим всех и каждого из наших капитанов, знаменосцев, начальников и простых воинов, которые находятся под властью названного N из N, чтобы они были послушны и покорны своему полковнику во всех вещах, которые он им прикажет, как воинские люди должны и обязаны поступать по содержанию и букве статейной грамоты. И, после всего этого, мы даем свое согласие и обещаем нашим императорским словом и клятвой, всегда твердо и нерушимо соблюдать все написанное и сказанное в нынешнем распорядке и статейной грамоте в той мере, в какой это нас касается, и поступать и действовать в соответствии с ними верно и без малейшей хитрости, чему порукой эта грамота.

Статейная грамота, на которой кнехтам следует присягать Великому князю и его полковнику

Статейная грамота

1. Вначале следует присягнуть честно служить величеству императора России, нашего всемилостивейшего государя, а также его полковникам и иным начальникам, назначенным его величеством, избегать урона и вреда для них, радеть об их нуждах и благе, равно повиноваться капитанам, знаменосцам, вейбелям, назначенным сказанными полковниками, во всем, что они делают и приказывают воинским людям, будь они благородными или подлыми, малыми или большими парнями, не вступая с ними в перепалку и противоречия, не творя бунта и не потворствуя ему, будь то на пользу врагу или нет, на воде или на суше, в походе или на карауле, когда бы то ни было, днем или ночью, когда это будет необходимо для намерений и нужд его величества. Если же один или многие выкажут неповиновение, то он или они подлежат наказанию по разумению полковника, как это разъяснено в следующих статьях.

2. Также каждую роту кнехтов совокупно или по отдельности должно употреблять и использовать, как случится и как потребует необходимость, в походе, на карауле, в осадах по разумению полковника. И если случится, что некий капитан с иными начальными людьми, знаменосцами, фельдфебелями и кнехтами прикажет делать необходимое, что по силам воинам, то им следует повиноваться так же, как если бы это приказал их капитан.

3. Также вы обязаны служить помесечно, считая 30 дней за один месяц, как это бывает по обычаю, и каждому следует за месяц давать и предоставлять в монете один оклад по 4 рейнских гульдена, равных 15 батценам или 60 крейцерам.

4. Также оплату следует производить в течение восьми дней до или после завершения каждого месяца. Если же деньги задерживаются и не могут быть на месте в срок, вам следует быть терпеливыми, не бросать ваших караулов и не отказываться от походов, как это приличествует воинским людям.

5. Также ваша служба начинается в N день месяца N.

6. Также если один или многие приняли деньги, обязавшись служить за них, и после этого ушли без разрешения и паспорта пол-

ковника, то он или они, будучи пойманы где бы то ни было, подлежат телесному наказанию и отнятию чести.

7. Также ни один кнехт не должен покидать строй на марше без существенных причин; если же один или многие были в том непослушны, то начальные люди, фельдфебели и простые кнехты должны силой вернуть в строй тех, которые вышли из него.

8. Также никто не должен бесчестить рожениц, беременных, девушек, стариков, малых детей, священников и иных духовных лиц, будучи в лагере на постое или в походе. И там, где есть церкви, не следует никому останавливаться и иметь постой в церквях или вламываться в них иным образом. Напротив, их честь следует защищать и оберегать, как это приличествует, и не нарушать никаким образом, держась христианского распорядка, бывшего в прежних войсках, под страхом телесного наказания.

9. Также никому не следует хулить Бога и Его святых. Если же один или многие будут хулить Бога и Его святых, они подлежат телесному наказанию.

10. Также, если случится, что полковники, назначенные императорским величеством, устроят битву или приступ укрепленных замков, городов или селений и с Божьей помощью завоюют их, то каждому кнехту следует выплатить его месячное жалование, а сверх того императорское величество ничего им не должно. И если на месте не случится денег тотчас, а враг перейдет в наступление, вам надлежит также и после дела (после отражения нападения) следовать приказам вашего полковника, делая все возможное и не допуская нападения врага.

11. Также, если случится, что его величество или полковники и начальные люди пошлют вас в осаду поротно или повзводно, будь то в городе, замке, поселке или местечке, находящихся или лежащих в нашей власти, и враг попытается овладеть ими посредством одного или многих приступов, государь не должен вам ничего сверх вашего [обычного] жалования.

12. Также, если города, замки и иные осажденные места будут взяты по соглашению, никто из вас не должен врваться в них с насилием и грабежом, также и входить и останавливаться в них, также и делать и предпринимать что-либо без ведома и дозволения полковника или назначенного им начальника, под страхом телесного наказания. А те, кому дали клятву, должны пребывать в безопасности ввиду своей клятвы.

13. Также там, где случится битва или приступ, какими бы они ни были, никто не должен брать чужое добро или грабить, даже если город или место были перед тем взяты приступом, но следует оставаться в добром порядке под страхом телесного наказания.

14. Также каждый может в соответствии с воинским правом и распоряжением оставить в своей собственности то, что он отберет у врага в битвах, приступах или иным образом, исключая орудия, порох и иное, принадлежащее к артиллерийскому ведомству и его складам, чем должен распоряжаться старший из начальных людей. И тому или тем, кто отберут у врага скот или продовольствие, не следует продавать их за пределы лагеря, но надлежит предоставлять на нужды кнехтов по установленной цене.

15. Также, если один или многие побегут, будучи в поле, то ближайшему к ним в строю следует оставаться на месте и убить их. И если кто-либо будет убит во время бегства, то никто не должен быть наказан за его смерть, но заслуживает большой похвалы. Если же кто-либо помогал ему, то следует выдать его начальным людям и подвергнуть телесному наказанию.

16. Также если один или многие замыслили предательство или иное злое дело, то их следует выдать профосу, и профосу надлежит обойтись с ними с ведома и по приказу полковника.

17. Также никому не следует скликать народ, если в том нет необходимости, под страхом телесного наказания. Если же будут скликать людей, то каждому надлежит бежать на известное ему место сбора, и никто, не имея особой причины, не должен оставаться на постое, под страхом телесного наказания.

18. Также никому не следует поджигать лагерь, устраивать пожар или угрожать огнем без приказа полковника, под страхом телесного наказания.

19. Также никому не следует останавливать, разрушать или сжигать мельницы или мельничные дворы под страхом телесного наказания и смерти.

20. Также никому не следует отлучаться или выходить из лагеря на добычу или куда-либо еще без ведома своего капитана и его приказа под страхом смерти.

21. Также никому не следует вести разговоры с врагами, будь то в лагере, в походе или в осаде, без приказа и позволения полковника, под страхом смерти.

22. Также никому не следует отказываться от клятвы без ведома и приказа полковника. Тех же, кто нарушат ее, следует считать клятвопреступниками и подвергнуть телесному наказанию и смертной казни.

23. Также никому не следует наниматься к двум капитанам или дважды являться на смотр, или приходиться под другим именем, или давать иные лживые обещания. Тот, кто поступает так, подлежит телесному наказанию и смерти.

24. Также никому не следует одалживать другому оружие или доспех на месте смотра под страхом смерти.

25. Также капитанам не следует похищать или принимать кнехтов, нанятых другими, из их рот без ведома и приказа другого капитана.

26. Также, если кому-либо надлежало нести караул и он не явился, то его следует наказать по распоряжению полковника. Если же кто был на карауле и покинул его, то его следует без всякой милости подвергнуть телесному наказанию и смертной казни.

27. Также никому не следует оставлять караульщика вместо себя без ведома и приказа своего капитана.

28. Также, когда караулы введены и поставлены, всех и каждого, кто ночной порою начнут драку или брань с караульными, где бы они ни были пойманы, будь то на постое или на дорогах, а особливо на караулах днем или ночью, надлежит за таковое преступление подвергнуть телесному наказанию и смертной казни.

29. Также, поскольку государь дает доброе жалование и столь щедро платит, а повсюду в стране царит изобилие, каждый должен честно возмещать и платить своему хозяину и иным, у кого он что-то покупает и берет. Сверх того, никому не следует, находясь в чужой стране, брать что-либо, многое или малое, ни у богатых, ни у бедных, ни у духовных, ни у светских лиц, также обижать их и причинять им вред, ни телу их, ни имуществу, разбивать, ломать или портить, но [следует] проходить совершенно мирно и безвредно, чтобы нигде не затруднить проезд и не дать народу этой земли причину для восстания и сопротивления. [Следует] в особенности оставаться на пути и на прямой столбовой дороге, не съезжая с нее и не проходя конным или пешим по плодородным полям, лугам, пажитям и виноградным садам. Тот, кто это нарушит, подлежит телесному наказанию и смерти без всякой милости и снисхождения.

30. Также, если припасы привезут в поле и доставят лагерь, никому не следует захватывать их силой до их оценки.

31. Также никому не следует выходить из лагеря для продажи припасов, но каждому следует доставить их на свободное место и ждать их оценки под страхом телесного наказания.

32. Также на совместном постое конников и пеших кнехтов кнехтам следует уступать, чтобы конные могли устроить своих лошадей и оставаться друг с другом.

33. Также каждому следует с радостью и готовностью принимать то место, где их разместят квартирмейстер, фурьер и рот-мистр.

34. Также никто не должен спасаться [бегством], если двое или многие дерутся или бьются друг с другом. Ближним следует склонять их к истинному миру на первый, второй или третий раз. Тот же, кто не желает кончить дело миром, должен дать вооружиться тому, с кем он желает биться насмерть. Того же, кто убьет другого, договорившись о мире, надлежит подвергнуть телесному наказанию и смертной казни без всякой пощады.

35. Также никому не следует колоть или стрелять [в другого] из своего оружия, под страхом телесного наказания. И если кто затаил на другого злобу, ему следует избегать его в течение этого достойного похода и войны, сколько бы она ни длилась, и не мстить словом или делом. Если же случилось, что один или многие не соблюли и преступили этот запрет, даже поступив по справедливости, то их надлежит подвергнуть телесному наказанию.

36. Также, если профос или его кнехты забрали одного или многих за непослушание и проступки, никому не следует препятствовать им, или собирать толпу против них, или отнимать тех и помогать им. И того или тех, кто будут препятствовать профосу или его кнехтам и освобождать преступника, следует наказывать так же, как самого преступника.

37. Также того, кто, будучи пьян, даст умышленно избить другого врагам, или же иным образом умышленно избить и обидеть, следует наказывать, как если бы он сам был преступником.

38. Также никому не следует налагать на другого долг или кабалу в игре и играть с другим, когда у него нет наличных денег. То же, что выиграно в долг или под расписку, один другому не считается должным.

39. Также, если один или многие выходят из лагеря без паспортов, то у них следует отнять их имущество и наказать по приказу полковника.

40. Также вы должны присягать императорскому величеству на N лет. И когда это время пройдет, а его величество будет иметь нужду [в вас] далее, вам следует выполнять ваши обязательства так же, как и ныне. Когда же его величество утратит нужду в вашей службе и даст отпуск войскам, вам следует выплатить и предоставить месячное жалование для вашего отъезда. Если же случится, что для того, чтобы прийти в эту страну, требуется пройти одну или много сотен миль, то вам при отъезде следует положить и выдать месячное жалование за каждую сотню миль.

41. Также никому не следует отнимать и уводить у другого его мальчиков и слуг без ведома их хозяина.

42. Также каждому следует исполнять обязанности палача при отправлении воинских свобод. Тот, кто этим пренебрегает, подлежит телесному наказанию и смертной казни.

43. Также на пути в землю помянутого императора России вам не следует каким-либо образом или способом оскорблять или порочить принятые в этой земле религию, веру, церковный обычай, в особенности их богослужение, также и их светские обычаи, платье, нравы, облик и привычки под страхом телесного наказания и смертной казни.

44. Также, поскольку многократно становилось известно, что многие кнехты обжираются медом до болезни и смерти, а эта страна, в которую вы отправляетесь, весьма обильна медом, вам следует знать о том, как уберечься от этой напасти и не позволять никому навредить себе таким образом, под страхом телесного наказания.

45. Также, наконец, того или тех, кто не соблюдают эти написанные выше статьи, надлежит наказать как клятвопреступников по распоряжению полковника. И если что-нибудь из надлежащего воинским людям забыто или не сказано в изложенных выше статьях, то обо всех проступках и наказаниях следует решать полковнику. И все кнехты этого полка и войска на службе русского императорского величества, которые отсутствовали при присяге и не слышали нынешние статьи, также должны соблюдать таковые клятву и обязательства, как если бы они лично были при присяге.